

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. И. Козлов. Этническая демография. М., 1977, 240 стр.

С первого взгляда может показаться, что книга В. И. Козлова представляет интерес лишь для узкого круга специалистов. В первой главе, названной «Основы этнической демографии», разъясняется, что автор понимает под демографией вообще и этнической в частности. При этом, так как книгу он адресует «читателям, более знакомым с демографией, нежели с этнографией» (стр. 7), вполне резонно значительная часть этой главы посвящена ряду общих этнографических понятий (этнос и стадии его становления, признаки этнодиагностики и др.). Здесь же очень сжато дана и «этническая картина мира» (стр. 33—47). Вторая глава посвящена проблемам рождаемости; третья — проблемам смертности. В небольшом «Заключении» автор изложил свои взгляды на закономерности исторического хода естественного движения (прироста) мирового населения.

И только? — спросит читатель-недемограф. Да, демографию, в частности этническую демографию, В. И. Козлов действительно истолковывает как сводящуюся в своей основе только к вопросам воспроизводства населения (в данном случае — носителей этнического начала), притом воспроизводства, рассматриваемого лишь через призму рождений и смертей; он особо подчеркивает, что именно такова его точка зрения. Дефиницию демографии он формулирует несколько вычурно, но откровенно суженно: это «наука о закономерностях воспроизводства населения, складывающегося при взаимодействии процессов изменения рождаемости и смертности и отражающегося в процессе изменения численности и половозрастной структуры населения» (стр. 13); а «центральной задачей» этнической демографии в полном соответствии с этим оказывается «изучение особенностей... воспроизводства (народов.— В. П.) методами демографической науки» (стр. 53).

С этой позиции построена вся книга. Думается, что такая точка зрения слишком скупо очерчивает рамки этнической демографии (как и «общей» демографии) — к этому я еще вернусь. Но надо отдать должное автору — даже рассматривая лишь воспроизводство населения, точнее показатели рождаемости и смертности, он нашел множество красок и нюансов, сделал целый ряд тонких наблюдений и умозаключений, воссоздающих во всей их многоплановости взаимопереплетенность биологических и социальных черт хода воспроизводства рода человеческого. При этом ему удается (задача нелегкая) правильно сбалансировать эти черты. Убедительно доказывая относительную самостоятельность процессов воспроизводства населения, В. И. Козлов умело вскрывает при их связи с широким кругом социально-экономических явлений (хотя связи эти эластично-опосредствованы). Он вводит и некоторые новые понятия, например, «родительский инстинкт», выделяя его наряду с половым инстинктом из бытующего в демографической литературе общего понятия «инстинкт размножения». Надо приветствовать, что автор не убоился и понятия «оптимальный уровень воспроизводства» населения (стр. 155).

Будучи не только демографом, но прежде всего историком и этнографом, В. И. Козлов все время исходит из конкретного исторического процесса, как бы высвечивая анализ «сухих» демографических показателей множеством живых черточек бытия разнообразных народов, исторических деталей; это делает неожиданно завлекательным даже явно зауженный предмет его исследования¹ и повышает глубину и доказательность изложения. Следуя по пути «исторической конкретности», В. И. Козлов в Заключении от-

¹ Замечу, что, сводя этот предмет исключительно к вопросам воспроизводства, В. И. Козлов относит к факторам рождаемости всю проблематику браков, разводов, многие биологические сюжеты; к факторам смертности — широкое рассмотрение заболеваемости и предпосылок для нее и даже всю, буквально необозримую, тематику «географии голода», прямых и косвенных людских потерь во время войн. Все это очень интересно и привлечет внимание читателя (даже если далеко уведит книгу от ее собственно этнографического стержня).

кровенно «вызывает на себя огонь» возможных критиков-пуристов. Он заявляет, что попытки «установить для каждой общественно-экономической формации свойственный якобы только ей закон воспроизводства населения... слабо обоснованы» (стр. 232); в связи с этим, в частности, обращается внимание на известную трактовку В. И. Лениным законов народонаселения как относящихся, по мнению автора, к конкретным «социальным организмам». Апеллируя к реальной исторической действительности, автор заявляет, что «некоторые социально-экономические факторы... действуют на рождаемость в одном (очевидно, надо: „и том же“.— В. П.) направлении и в капиталистической, и в социалистической стране» (стр. 234; в качестве примеров названы образование, участие женщин в производстве).

В этой прямой (в Заключении) и скрытой (на протяжении всей книги) полемике против излишне схематического применения некоторых положений марксизма я на стороне автора; хотя думаю, что в столь многоплановой книге все же можно было показать и некоторые моменты (например, в сфере семейно-имущественных отношений и т. п.), которые создают различия в действии механизмов влияния социальных черт на воспроизводство населения в зависимости от общественного строя.

Возвращаясь к зауженности понимания В. И. Козловым предмета демографии как науки лишь о воспроизводстве (в чем я вижу основную дискуссионную сторону книги), обращаю внимание на то, что при таком понимании из этого предмета выпадает даже численность населения, не говоря уже о его размещении по континентам, странам и их областям, его распределении между городом и селом, его миграционные перемещения (для этнической демографии соответственно отсекаются эти же явления и процессы, отнесенные к этносам). Все эти сюжеты В. И. Козлов с готовностью отдает географии населения и этногеографии. Спор о разграничении сфер интересов смежных и родственных дисциплин сам по себе был бы схоластичен (тем более, что обе только что названные науки сами сильно демографизируются); я считаю, что практически важнее искать пути их творческого взаимодействия. Однако как может этнодемограф обойти численность этносов? При анализе их воспроизводства нельзя не учитывать миграции — хотя бы потому, что в ряде случаев они в такой же мере пополняют этносы, как и рождение новых их представителей. А разве не существенна проблема смешанных браков и «присоединения» к тому либо иному этносу потомства от этих браков?

Сузив предмет этнодемографии до вопросов воспроизводства населения, автор одновременно, на мой взгляд, переоценивает независимость двух явлений — «рождаемости и смертности, каждое из которых со своим кругом сложных проблем» (стр. 54). Когда на стр. 65 он говорит, что связь между этими явлениями состоит лишь в том, что «прежде, чем люди умирают, они должны родиться», это выглядит как некая шутка. Но вот на стр. 160 автор как будто хочет поправиться. Правда, сначала он опять «шутит»: «Смертность как явление не только противоположно (!) рождаемости... но и отличается (!) от нее по существу». Но затем речь все же заходит о «взаимосвязи». Читатель вправе ждать, что будет показано, например, как неизмеримо снизившаяся детская смертность облегчает удовлетворение родительского инстинкта рождением одного-двух детей и т. п. Ничего подобного! В. И. Козлов снова с чисто демографических позиций хитроумно объясняет, что повышение рождаемости, увеличивая в составе населения долю детей, у которых повозрастная смертность выше, чем у взрослых, статистически отражает (увеличивает) и валовую смертность; к тому же смертность среди взрослых может сократить продолжительность детородного периода и пр. Все это чрезвычайно «научно» (и верно!), но уводит в сторону от проблем общего демографического климата, определяющего и демографическое поведение с его тонкими психосоциальными ориентирами². А, как мне представляется, суть дела в первую очередь именно в них.

Из менее существенных критических замечаний обращаю внимание также на то, что приводимый автором фактический материал (о связи с расовыми чертами распределения отрицательного резус-фактора или многоплодия, о «защитности» некоторых расовых особенностей против болезней и т. п., см. стр. 87, 88, 90, 172, 173 и др.) требовал бы большей осторожности в отрицании влияния «расового фактора» на ход воспроизводства населения. На стр. 82 ареал сапиентизации предков современных людей неправомерно сужен до «какого-то района Малой Азии». На стр. 3 заявлено, что к концу XXI в. мировое население «может достичь нескольких десятков (разрядка моя.— В. П.) миллиардов» (человек) — таких цифр обычно не называют даже футурологи-алармисты, и это высказывание хочется считать просто опиской.

Можно было бы кое-где придаться и к редакции текста. На стр. 102 говорится о «штатах Индии» применительно к 1921 г., но тогда здесь были лишь провинции и туземные княжества. На стр. 72 режет глаз упоминание в одном ряду приемных детей (названных уничижительно приемами), котят и щенков. Вряд ли понятным покажется оборот «естественные и (?) личные начала детопроизводства» (стр. 77).

Однако в целом изложение в книге ясное, доходчивое и выразительное. Несмотря на все сделанные выше критические замечания (которые, впрочем, надо считать скорее вызванными книгой размышлениями), новый труд В. И. Козлова — ценный вклад в нашу

² Впрочем, В. И. Козлов столь же серьезно заявляет, что «воспетое поэтами чувством любви до сих пор не вполне изучено» (с. 70).

научную литературу, и появление его следует оценить как положительное событие. В книге многое недосказано (например, можно было бы посетовать, что недостаточно освещен феномен двойного этнического самосознания), но зато сюжеты, вошедшие в замысел книги, разобраны глубоко и интересно. Главную же ценность книги надо видеть в том, что она укрепляет мост, соединяющий две общественные науки, сам предмет которых «почти» один и тот же — этнографию и демографию.

В. В. Покишичевский

М. Куличенко. Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976, 381 стр.

Теоретическое обобщение опыта развития советского народа как новой социальной и интернациональной общности имеет огромное значение. Этому посвящена новая книга М. И. Куличенко. Остановимся на наиболее интересных, с точки зрения этнографии и этносоциологии, вопросах, рассмотренных в ней.

В работе сделана попытка обобщения практического опыта руководства национальными процессами в СССР. Автор исходил не только из чисто академических интересов, но и из практических задач управления национальными процессами в нашей стране. В центре его внимания — проблема диалектики национального и интернационального. Именно диалектики, ибо через всю работу проходит мысль, что метафизический разрыв этих сторон ведет к путанице в теории и ошибочным тенденциям на практике (стр. 11). Эта мысль последовательно раскрывается на различных уровнях национальных отношений: при характеристике экономических, социальных, политических и духовных основ сближения наций.

Представляет интерес анализ автором понятий «интернационализация общественной жизни», «сближение наций», «слияние наций», «ассимиляция наций». По его мнению, «интернационализация охватывает все сферы общественных отношений, в том числе и национальные» (стр. 15). Интернационализация связывается им с развитием общих черт наций, обусловленных прежде всего развитием производительных сил и производственных отношений; сближение наций выступает как один из итоговых аспектов развития интернационализации, связанный не только с расширением взаимосвязей наций и их культур, но и с отрицанием в национальной культуре и национальных отношениях всего мешающего позитивному взаимодействию наций; наконец, слияние наций это общий процесс отрицания всяких национальных различий, в результате которого все нации сливаются в безнациональную общность. Ассимиляция же — это не отрицание национальных различий, а замена одной национальной принадлежности другой. Автор справедливо указывает, что часто встречающиеся неточности в употреблении этих понятий тормозят теоретическое осмысление происходящих процессов.

Однако терминологические вопросы не играют в работе самостоятельной роли. Их рассмотрение необходимо при обсуждении основных тенденций развития наций и национальных отношений в советском обществе. В работе критикуется позиция некоторых исследователей, утверждающих, на основе ссылок на отдельные цитаты из работ В. И. Ленина, что уже в условиях социализма происходит не только сближение, но и слияние наций. Автор уточняет, что применительно к эпохе капитализма В. И. Ленин под «слиянием» понимал объединение рабочих в их революционной борьбе против эксплуататоров за социальное освобождение. По отношению к эпохе социализма «слияние наций» обозначает единство коренных интересов, основных задач и целей, а не стирание всяческих национальных различий. В книге отмечается, что нации сойдут с исторической арены лишь после того, как полностью исчерпают свою прогрессивную роль как форма социальной и культурной организации общества (стр. 56). В условиях же зрелого социализма они «не рудимент, а активнейшая форма общности людей» (стр. 43). Поэтому национальные отношения при социализме не только не отмирают как область социальных отношений, но развиваются, выдвигая новые проблемы и задачи (там же). На всех этапах развития социализма происходит сближение наций, связанное, как уже отмечалось, с изменением их важнейших признаков. Однако далеко не все из них преобразуются с одинаковой скоростью. «Больше преобразуются те признаки, те национальные различия, которые обуславливаются наследием прошлого во взаимоотношениях народов, уровнями экономического, социально-политического, идейно-культурного и нравственно-психологического развития. Меньше преобразуются признаки и различия, зависящие от этнических факторов» (стр. 48). Правда, автор не говорит, что именно он подразумевает под «этническими факторами». Однако, если их понимать как совокупность устойчивых культурных особенностей наций и национальное самосознание, то с этим выводом можно согласиться. С указанными моментами неразрывно связаны еще два процесса, на которые обращается внимание в книге: во-первых, возрастание значения социальных факторов в жизни нации по сравнению с национальными; во-вторых, увеличение роли интернациональных факторов по сравнению с узконациональными как в экономической, так и в культурной сфере.